

Ч И Т А Л Ь Н Я
С О В Е Т С К О Й Ш К О Л Ы

911(55)
Л 476

Н. ЛЕОНОВ

В С Т Е П Н Ы Х
П Р О С Т О Р А Х

337.

“ РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ ”
МОСКВА-1927

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

№ 7—8

Н. ЛЕОНОВ

Л 476

В СТЕПНЫХ ПРОСТОРАХ

КАК ЖИВУТ И ЧЕМ ПРОМЫШЛЯЮТ
КИРГИЗЫ (КАЗАКИ)

*Допущено Научно-Педагогической Секцией
Государственного Ученого Совета*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

БИБЛИОТЕКА
Государственного музея
ДЕТСКОЙ ИЯКМ
ПОДАРОНО

МУЗЕЙ ВЪЕЗДА
Родному изданию.

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

МОСКВА — 1927

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ИЯКМ
ДЕТГИЗА

1122

I.

Едем верхом на выносливых лошадках привольной степью. Мой спутник Акпай — настоящий киргиз¹⁾. Не старается он красиво сидеть в седле, но сидит в нем удобно и крепко. Из седла его не вышибешь. Колени прижимает к верхнему краю седла, поводья держит всей кистью руки. А гикнет Акпай, привстанет на коротких стременах, перегнется всем телом к лошадиной голове — тогда за ним не угнаться. Дорог Акпай не разбирает — вся степь бескрайняя дорогой ему служит.

Любит свою степь Акпай. Каждый настоящий киргиз любит свою степь. Да и как не любить эти огромные пространства, весной покрытые такой сочной цветущей травой? Вольно дышится человеку в степи. Хочется

¹⁾ Наименование «киргизы» — распространенное, но неправильное. Сами себя киргизы называют «казаками». Автономной республике киргизов-казаков присвоено название «Казакстан» — «страна-казаков».

петь, радоваться, скакать сломя голову на степных лошадах. Не даром говорят киргизы, что когда-то в древние-древние времена пролетела над землей песня в виде птицы. И там, где высоко пролетала она над землей, там молчаливы люди, скудны на напевы. «Над привольной киргизской степью ниже, чем где-либо, пролетела звонкая птица-песня, оттого первые певуны в мире — киргизы». Так думают о себе жители привольных степей.

Цветет в мае степь богатым ковром. Но под жарким дыханием ветра, что дует из горячих пустынь Средней Азии, быстро сохнет земля. Небо над степью стоит высокое, безоблачное, побледневшее. Раскаленный сухой воздух непрерывно колеблется, дрожит. Нередко обманывается глаз путника.

— Смотри, Акпай! — кричу я своему спутнику. — Озеро.

Акпай отрицательно мотает головой.

Мы продвигаемся вперед, и я вижу, что озеро исчезает, как призрак, а вместо озера мне чудится лес. Я не выдерживаю и снова показываю рукой, где темнеется целая полоса лесных зарослей.

— Акпай! — говорю я.— Ты видишь лес?

Тогда Акпай скалит зубы и говорит мне словами поговорки:

— На степи сурок¹⁾ с сурчатами, что верблюдов с верблюжатами.

Рис. 1. Акпай.

Я смеюсь правоте этой поговорки. В степи все предметы могут показаться огромными. Маленького грызуна-сурка можно принять за огромного верблюда; бугорок земли — за

¹⁾ Сурок—маленькое животное из степных грызунов.

юрту кочевника; холмик, поросший бурьяном,— за темный лес.

Слова Акпая прогоняют мираж¹⁾). Я сам уже не верю глазам, не смотрю вдаль, а пытаюсь взглядеться в более близкие предметы.

Зноен июльский день. Высохшая степь переливается то бурыми, то желтоватыми пятнами. Заросли ковыля перемежаются серовато-зеленой полынью. Местами сквозь почву проступает белыми пятнами соль. Степь эта была когда-то дном огромного моря.

Сперва кажется, что степь замерла от зноя. Но прикроешь глаза рукою, начнешь пристально всматриваться в нее и видишь, что там и сям копошатся и передвигаются маленькие зверки. Иной раз они застывают неподвижными «столбиками». Все это степные грызуны — суслики, сурки, хомяки. Выманило их из норок полуденное солнце. За лето они отъедаются зернами, корешками, луковицами степных растений. Придет зима, и все эти маленькие грызуны залягут спать в свои норы.

¹⁾ Мираж — явление, имеющее место в пустынях и в степях, которое состоит в том, что глазам пугников представляются города, озера, зеленые рощи. Явление это носит также название фата-моргана.

Но утомляется глаз и снова обманывается степными миражами.

— Скоро выедем на большую дорогу, — говорит мне Акпай.

И вот вырастает перед нами караван завьюченных верблюдов.

Минут через десять кони наши выносят нас на тракт, ведущий к ближайшему городку.

По дороге мы встречаем обозы быков и верблюдов, запряженных в двухколесные телеги, называемые здесь арбами. Встречаются и караваны завьюченных верблюдов. На арбах и на выюках из степей в город везут огромные кипы овечьей и верблюжьей шерсти, реже — готовые войлоки и ковры. Перед глазами мелькают вытянутые шеи и головы верблюдов с умными серьезными глазами. Неспешной походкой идут верблюды под палящими лучами солнца.

Мы едем с Акпаем по дороге и обгоняем другие обозы, которые везут из города в степь чугунные котлы, тюки с мануфактурой, ящики с кирпичным чаем, сахаром и солью, решетчатые остовы для туземных юрт. А навстречу из степи гонят стада баранов. Погонщики стад, полуголые, бронзового цвета

люди, здороваются с Акпаем, делятся всеми новостями, а потом едут своим путем. Жарко и хочется пить.

— Далеко ли до улуса? — спрашиваю я Акпая.

— Близко. Чакрымов шесть будет.

Знаю я этот киргизский «чакрым»! Кто их мерил? В среднем чакрым равняется версте. Но у киргизов чакрымы бывают разные.

Через короткое время мы сворачиваем с дороги и едем желтовато-бурой степью.

II.

Ковыль да ковыль, да сухая степная трава типец шуршат под копытами наших лошадей. Лошади истомились, устали. А на усталой лошади ехать сплошная мука.

И вдруг — озеро. Я уж боюсь верить. Может быть, опять мираж, обман колеблющегося воздуха над раскаленной степью?

Но, слышу, и Акпай мне кричит:

— Смотри, озеро. Там кочует Бектурган. Вон его юрты!

Я киваю головой Акпаю, но сам не вижу никаких юрт.

— Близко, близко, — говорит Акпай.

Лошадь моя низко опустила голову. Потная шея потемнела. Я чувствую, что и меня истомило знойное солнце.

Но вот пасутся лошади. Недалеко и до улуса. Поодаль разбрелись овцы. В стороне, слева, маячат горбы верблюдов. Рогатый скот киргизы разводят неохотно. В киргизе крепко еще сидит кочевой дух: овцы да лошади — лучший для них скот.

Наконец, и я вижу большие то белые, то серые, то совсем темные кругловатые кучи. Над круглыми кучами поднимаются струйки дыма. Теперь и мой нос явно различает запах дыма, навоза и кислого молока. Круглые кучи эти оказались войлочными юртами.

Злющие черные собаки встретили нас оглушительным лаем, но молодая киргизка в белом платке замахнулась на них, и собаки отбежали прочь.

Мы слезли с лошадей, и тотчас два проворных мальчика лет по 7—8 вскочили на наших лошадей и ускакали в степь. Мне было не до лошади. Я поздоровался с хозяйкой юрты и шагнул через порог. Войлок, завешивающий вход, был откинут. В юрте было про-

хладно — войлок плохо пропускает тепловые лучи. Вместе с тем в юрте не было и духоты: снизу с двух сторон войлоки были откинуты и оставляли сквозь решетки свободный проход для степного ветерка. Посредине юрты горел очаг, где вместо дров тлели куски сушеного навоза — кизяка.

Хозяйка (звали ее Нуриля) взяла турсук — особый мешок, сделанный из цельной овечьей кожи, где двумя горлышками служила кожа, целиком стянутая с ног. Нуриля развязала один из выдающихся концов, подставила большую деревянную чашку и наполнила ее кумысом. Кумыс готовится из кобыльего молока. Это очень питательный и здоровый напиток. Не даром врачи слабогрудых и малокровных людей велят поить кумысом. Непривычного человека кумыс слегка опьяняет, и надо только дивиться, как много могут выпить кумыса киргизы.

Я отпил несколько глотков и передал чашку Акпаю. Он выпил ее до дна, и Нуриля снова наполнила ему чашку до краев кумысом.

Пол юрты был застлан войлоком. Я растянулся и быстро задремал.

А когда проснулся, то Акпая и Нурили уже не было в юрте. Но зато около меня сидел полный веселый хозяин юрты и приветливо мне улыбнулся, как только я открыл глаза.

Мы быстро с ним познакомились, он был чрезвычайно любезен, засыпал меня вопросами и сам охотно рассказывал.

Хозяин весьма одобрительно отзывался о моем намерении постранствовать по степям. В подтверждение моих слов он привел даже слова мудреца-поэта:

— Лучше ходить босиком, чем носить тесные башмаки,— сказал Бектурган мне. — Лучше испытывать все невзгоды странничества, нежели сидеть на одном месте.

Я согласился с ним и стал рассказывать Бектургану, как хорошо теперь ездить, как удобно передвигаться на большие расстояния в поездах, на пароходах и даже по воздуху на аэроплане.

Бектурган — бывалый человек. Он, оказывается, побывал в Москве.

— Москва — большой муравейник. Ой, как много людей в Москве! — сказал Бектурган.

Москва понравилась Бектургану, но езда в вагоне показалась ему очень тяжелой.

В вагоне Бектургану было очень душно. То ли дело верхом на степном скакуне мчаться вперегонки с ветром? Мне хотелось быть любезным с хозяином и я не стал спорить.

— И у нас в степях меньше стало простора, — говорил Бектурган. — Прежде, бывало, наши киргизы кочевали от самого Аральского моря до северного края степей. На зиму уходили поближе к пескам, а весной, покуда еще не сожгло в сухих степях траву, двигались в ковыльные степи к северу. Осенью снова кочевали к зимовкам. Просторно было. Где хочешь, там и кочуй. Правда, и в прежнее время держались киргизы проторенных путей — на пути своих кочевков рыли колодцы, примечали места для пастбищ. На проторенных путях легче было встретиться с приятелями и сородичами.

Но пришли в степь русские. Позахватили они лучшие уголья для пашен и сенокосов. Труднее стало жить киргизам. Кто посмелей был, оказали было сопротивление. Стали угонять у русских скот и топтать поля. Таков был закон в степи — обидчиков подвергать грабежу. Такой грабеж назывался барантой.

Ну, да русские были сильнее. Жестоко рас-
плачивались за грабежи с киргизами. И
присмирел народ.

Широка и необ'ятна киргизская степь.
И со всех сторон обступают ее земли, где люди
живут оседло. А настоящих кочевников
отжимают в глубь степи.

Глядя на русских, стали и киргизы поне-
многу засеивать поля. Стали заготавливать сено
для скота, строить постоянные зимовки, да
и на летние кочевки стали отходить на недале-
кие расстояния.

— Может быть, это и не плохо,— говорил
Бектурган.— Да плохо было то, что до рево-
люции лучшие земли отходили к русским.
Обидно было смотреть на это... Ну, да теперь
своя власть, своя республика у киргизов.
Теперь нечего на других пенять.

Пока мы разговаривали, хозяин распоря-
дился заколоть для меня барана. Нуриля
подбросила кизяка в огонь и стала варить
мясо.

В ожидании ужина мы пили кумыс и ожив-
ленно разговаривали с хозяином.

III.

Вечером за ужином, когда в юрту Бектургана собрались гости и началась оживленная беседа, а потом стали петь песни да стародавние былины, я убедился, что и вправду низко над степью киргизской пролетела птица-песня. Я не мог не удивиться остроумию моих собеседников.

Женщины (среди них не было Нурили) внесли в юрту огромный котел, где была вареная баранина с мелко крошеным тестом. Это блюдо у киргизов носит название бишбармак. В переводе это значит «пять пальцев». Самое название это указывает на то обстоятельство, что бишбармак полагается есть с помощью собственной пятерни. Да киргизы и вообще редко употребляют ложки. Вилка у них и в помине нет. Вошла Нуриля с полным турсуком кумыса. Жирный бишбармак вытряхнули из котла на деревянное блюдо. Бектурган порылся пальцами, засучив предварительно широкие рукава своего халата, и отыскал в куче вареного мяса баранью голову. Голову эту он передал мне, как гостю. Голова почетная часть кушанья.

Я откусил у барана ухо и передал голову обратно хозяину. Так принято делать по обычаю киргизов. После этой церемонии все стали насыщаться вкусным кушаньем. За бишбармаком последовал чай. Иной раз киргизы варят чай с молоком и с бараньим салом.

Я загляделся на руки Нурили. Пальцы ее рук были унизаны кольцами, необычайно и искусно скрученными из тонкой серебряной проволоки. Всякие поделки из золота и серебра, — одним словом, ювелирное дело представляет собой одну из немногочисленных отраслей туземного ремесленничества. Киргизы — мастера выделывать войлоки, ткани из верблюжьей шерсти, красивые узорные ковры, украшения из серебра и петь песни.

Я заметил, что женщин не угощали. Они сидели поодаль и смотрели, как ели мужчины, и только обглоданные кости переходили к ним. Одна Нуриля получила небольшой кусок баранины. Трое ребятишек ели с удовольствием бараньи внутренности.

Хотя женщина у киргизов и не обязана закрывать лица от гостей, как это бывает у других народов, но принимать участие в общей трапезе для них считается неприличным.

А как кончили сытный ужин, все стали просить Ахмета, чтобы спел Ахмет песню. Подали Ахмету домру. Взял он этот несложный музыкальный инструмент вроде балалайки. Смолкли все. Задумался певец.

Догорел кизяк в очаге, а сквозь круглое отверстие вверху юрты синело темное небо ночное да сверкали крупные звезды.

Ударил Ахмет по струнам, звонко запели самодельные струны домры. Запел Ахмет:

Степь! Ай, какая степь!

Можно лететь по степи, как птица по воздуху.

Круглая и ровная степь, как лепешка,
Без конца, без края, как небо,
Киргизская степь.

Чем дальше едешь по степи,
Тем она шире... Ой, какая степь!

Стад в степи, аулов в степи —
Словно звезд в синем небе.

Самый красивый ковер в мире —
Наша киргизская степь весной.

Удивился я звучности киргизской домры.
Подивился и звучному голосу Ахмета.

Рис. 2. Ахмет.

40520
4499

А песне конца нет, и чем дальше поет певец,
тем больше он сам увлекается песней и увлекает
своих примолкших слушателей.

33111

С неба льет дождь, а с гор — вешние
воды,
От благодатных паров растут, цветут
травы,

поет Ахмет...

И разворачивается в песне яркая картина
цветущей весенней степи. Сверкает солнце

Н. Леонов.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

2
БИБЛИОТЕКА
Государствен. музея
ДЕТСКОЙ КНИГИ

в голубом небе. Плывут над степью белые облака. И ждет, жадно ждет влаги весенняя степь. Проходит дождь. Оживает трава, зеленеет степной простор. Ржут застоявшиеся лошади, мычат отощавшие за зиму коровы, резвятся овцы и гулко вопит почуявший весну двугорбый верблюд. Радуются весне люди. Кувыркаются в траве ребятишки... О, как прекрасна весной широкая степь!..

С любовью глядят на своего певца хозяин и гости. Видно, что всех задел за живое степной певец.

Ахмет сам сочиняет свои песни.

— Он поэт у нас, — шепчет мне довольный Бектурган.

На утро проснулся я на заре. Вышел из юрты и увидел, как бегают полуголые киргизята, возятся с овцами, сгоняя их в стадо. Над озером клубился белый туман.

Сидел я на кучке заготовленного кизяка и смотрел, как в росистую степь уходило стадо баранов. Невольно думалось мне о том, какое важное значение имеет для киргиза баран. Некрасив киргизский баран. Длинные уши его отвисают, комьями свалаялась густая

шерсть, а сзади болтается толстый курдюк. В курдюке скопляется огромный запас сала. Неказист на вид баран, но без него киргиз не мог бы, пожалуй, прожить.

Баран дает киргизу материал для жилища: войлоком, скатанным из овечьей шерсти, покрывает он решетчатый остов своего жилища. Летом войлок не пропускает палящих лучей солнца, а зимой защищает от холода и снежных метелей. Баран же дает киргизу шерсть для выделки домотканых шерстяных тканей, не проницаемых для дождей и ветров. Бараньи шкуры служат киргизу для выделки зимних шуб и для выделки прочной, удобной для перевозок посуды. В кожаных сосудах из бараньей кожи держит киргиз и свой любимый кумыс. От барана получает киргиз и главные продукты своего питания. Из бараньего мяса готовят киргизы и похлебку, и праздничный бишбармак. Но еще ценнее, чем мясо, для киргиза баранье сало, которое с таким избытком скопляется в отвисающих курдюках. Всякого гостя встретит киргиз тем, что наполнит рот гостя полной пригоршней теплого бараньего сала. Баранье же сало употребляют киргизы и для приготовления вкусных лепешек. Сало

кладут иногда и в чай. Но овец и доят. Овца дает киргизу молоко, масло и сыр. Из овечьего же молока готовят и кислотоватый напиток — айран. Так овца согревает, одевает и кормит киргиза.

Но овца служит киргизу и главным источником средств для приобретения рыночных товаров — ситца, соли, чая, сахара. Когда ехали мы с Акпаем по степи, то, помните, встречали мы караваны и обозы, на которых везли продукты степей для обмена в город. Главным продуктом торговли киргизов являются та же овечья шерсть, овчины и гурты живых баранов. Более двух третей всего дохода киргизу-кочевнику дает разведение овец, овцеводство. На базары, на ярмарки выгоняют из степей киргизы огромные стада баранов. В обмен на живых баранов, а также на баранье мясо, сало, кожи, шерсть и даже на кишки (все это идет на пользу) приобретает киргиз все то, что недостает ему в его хозяйстве.

Восходит солнце над степью, и я люблюсь стадом баранов. Идут они дружным стадом, вислоухие, толстозадые, тесной кучей. А впереди стада на черной корове едет пастух.

Рис. 3. На водопое.

Стадо покорно идет за ним, а он, сидя на корове, поет тягучую песню:

Увы, не всякому дается счастье,
Одни живут в довольстве и веселье.
Другой живет, скорчившись от бо-
лезней.

А людское сердце не умеет предуга-
дывать...

Оглянется пастух на стадо — покорно идут
вислоухие бараны, и снова запекает пастух:

Но зачем унывать? Мое новое седло
в серебре.

Оседлаю им чалого иноходца
И, как белый и быстрый лебедь,
Полечу навстречу своему счастью.

IV.

Когда просыпается Бектурган, мы снова садимся с ним к очагу. Солнце начинает жечь степные просторы. Под войлочным покровом юрты царит прохлада. Нуриля приносит нам новый турсук кумыса. И сегодня кумыс я пью уже охотнее. А Бектурган начинает мне рассказывать о временах недавних, но уже уходящих в прошлое.

Бектурган любит приволье степное. Любит порассказать о привольной жизни своих сородичей.

Я как-то спросил его об охоте с беркутами.

Беркуты — степные орлы. Их живьем ловят киргизы и приучают выслеживать дичь и ловить мелких зверей. Бектурган любит охоту с беркутами. И не знаю, сам ли он охотился таким образом за степной дичью или от других людей наслушался, но только рассказ его об этой охоте был так ярок и красочен, что мне хочется припомнить его поподробнее. Отпил полчашки кумыса Бектурган и начал рассказ свой так:

— В голубом зное задремала степь. Только в небе скользят облака. Тени от облаков скользят по земле. Еду я в голубом зное по скату каменистой горы. На левой руке моей сидит беркут. На голове беркута темный колпачок, на когтистых ногах — серебряная цепочка. Обучил я беркута охотиться за дичью.

На вершине горы останавливаю коня. С вершины горы далеко видно. Отстегиваю серебряную цепочку, снимаю колпачок с головы беркута. Орлиные круглые глаза не мигают. Осматривают они зорко окрестность.

Взмахивает беркут тяжелыми крыльями. Слетает с руки и садится на розовый камень. Отряхивает смявшиеся перья, оправляет хвост и огромные свои крылья. Слезая с коня и смотрю на беркута. Застыла птица на камне. Слушает. А потом взмыл беркут со скалы в воздух. С шумом крыльев поднялся к небу. Надо снова тогда садиться на коня и скакать за ним следом.

С жалобным криком вылетит пичужка из-под копыт коня. Напуганная птичка хитрит — притворяется раненой, чтобы отвести опасность от родного гнезда.

А беркут кружит над долиной. Распластал крылья и с высоты зорким глазом высматривает добычу. И вот со свистом падает беркут на землю, а потом вновь взмывает к облакам. Тогда каждый охотник знает, что зоркие глаза беркута выследили добычу. Вернее всего, что лисицу с пышным хвостом. И лисица заметила остроклювого хищника. Заметалась лисица по камням. А беркут делает новый круг, не спуская глаз с намеченной жертвы. Делает беркут круг и падает снова на землю, задевая крылом обезумевшую от страха лисицу. Но и на этот раз беркут щадит зверя и снова взмывает

в воздух. Беркут любит показать свою ловкость.

Затравленная лисица мечется в камнях. То забежит за уступ, то в безумном страхе снова замечется меж камней и мелких кустарников. Но чует лисица — не уйти ей от остроглазого хищника. И вот в последний раз падает беркут на жертву. Острые когти хищника впиваются в тело лисицы. Одна лапа вонзилась в шею, другая в спину у хвоста. Взмыл беркут с лисицей в воздух, сдвинул когтистые свои лапы, хрустнул спинной хребет у пойманного зверя.

Весело смотреть тогда охотнику, как опускается беркут на камни с дорогой добычей. Там на камнях будет сидеть он, не двигаясь, в ожидании своего хозяина. А пока тот подскочит, беркут выключет у мертвой лисицы глаза.

Любо тогда подскакать на гнедом иноходце к скале, где сидит в ожидании горный хищник. Сидит беркут на камне, держит в когтях безглазую лисицу. И знает беркут, что отнимут, и все же не хочет отдавать. Злится. Вз'ерошились перья на шее беркута.

Бектурган увлекся своим рассказом и не взял даже чашки с кумысом, протянутой Нурилей.

Любо тогда подойти к беркуту. Надешь на руку кожаную рукавицу и протянешь эту руку к нахохлившейся птице. Вцепится когтями в рукавицу беркут. Тут зевать не приходится — надо поспешить надевать колпачок на голову да стянуть лапы цепочкой. Присмирееет сразу тогда птица. Тут возьмешь у него добычу. Приторочишь к седлу и скачешь дальше. А на левой руке сидит в колпачке присмиривший беркут.

— Любил я охотиться с ними,— говорит Бектурган и запивает рассказ свой большой чашкой пьянящего кумыса.

Пью и я с наслаждением кисловатый кумыс, а Бектурган предлагает мне посмотреть его стада. Я охотно соглашаюсь на его приглашение, и через полчаса мы выходим из уютной Бектургановой юрты. У коновязи нас ждут две оседланных лошади — рыжая и пегая. Обе заседланы седлами, искусно украшенными серебряными бляхами. Серебряные бляхи блестят и на уздечках.

Едем. День горяч, но дышится легко. Бектурган рассказывает мне о своем хозяйстве.

Два взрослых сына его остались на к с т а у, т.-е. на зимовке. Там у Бектургана выстроены

мазанки из кирпича, приготовленного из соломы и глины. Из этого же материала сделаны и загоны для мелкого скота. Поблизости находятся их сенокосные угодья. Лет десять тому назад Бектурган решил, что заготавливать сено на зиму для скота необходимо.

— А то знаешь,— говорил мне Бектурган,— как из богачей киргизы стали бедняками? Знаешь, кто самый большой враг киргиза? Самый большой враг скотовода — д ж у т.

Я не понял Бектургана и попросил разъяснить мне, что такое джут.

— Джут — это гололедица. Бывает так в степи,— говорит мне Бектурган,— что выпадает снежок. Потом наступит оттепель, начнет таять. Да иной раз еще дождь хлынет. А следом за оттепелью да за дождем стукнут морозы и образуется на степи ледяная корка. Тогда беда киргизу. Что ему делать без сена? Сквозь ледяную корку животные не смогут достать себе из-под снега прошлогодней травы для пропитания. Вот и гибнут тогда коровы, овцы, лошади. Самый богатый киргиз может стать в одну зиму бедняком.

И Бектурган начинает мне перечислять имена своих родичей, бывших когда-то зажи-

точными, а теперь ставших бедняками — джатаками.

— Джут всех разорить может. Вот и стали мы теперь сено косить да мало-по-малу заводить пашни.

Сыновья Бектургана пашут и косят, а сам Бектурган продолжает кочевать по степи, переходя с зимовки на весенние пастбища, потом на летние, потом снова возвращается на зимовку со своими стадами.

Бектургану как будто бы жаль своих сыновей, ставших поневоле оседлыми. Он вспоминает свои молодые годы, свои далекие перекочевки, охоты. Но вместе с тем я чувствую, что и Бектурган понимает, как сенокосение и распашка полей предохраняют его стада от внезапной гибели, а его, Бектургана, — от разорения.

Оживленно беседуя, едем мы по степи с Бектурганом, и он обращает мое внимание на то, что травы на значительном расстоянии вытоптаны скотом и съедены.

— Надо кочевать дальше к северу, — говорит сам себе Бектурган и обращается ко мне с предложением последовать с ними в глубь степей.

— Много забот со скотом, — говорит Бектурган. — Много врагов у скотовода. Иной раз

маленький каракурт свалит целого верблюда. Знаешь каракурта? — спрашивает меня киргиз и, не дожидаясь ответа, рассказывает: — К а р а к у р т — маленький паучок, ядовитый укус которого смертелен для всякого животного. Большой верблюд и тот издыхает от укуса каракурта через два—три часа. Только один баран не боится каракурта. Бараны поедают ядовитых паучков без всякого вреда для себя. Без барана пропасть бы в степи киргизу, — говорит вдруг Бектурган, любуясь стадом разбежавшихся по степи вислоухих животных, обрастающих новою шерстью после стрижки. Около бараньего стада мы остановились, слезли с коней. Поймал Бектурган овцу, пощупал курдюк, наливающийся жиром.

— Нагуливают жирок. На то и летние корма. Ну, да пора кочевать на свежие пастбища.

Полюбовавшись овцами, мы едем к табуну лошадей.

V.

С утра царит оживление. Вчера хозяева семи юрт, стоявших у озера, порешили кочевать.

Женщины разбирают юрты: развязывают волосяные веревки, которыми были плотно

притянуты войлоки к решетчатому остову юрт, снимают куски войлока, скатывают его в трубку. Обнаженные от войлока решетчатые остовы юрты напоминали затейливые беседки. При виде этих тонких решеток трудно было представить себе, что этот легкий остов юрты в состоянии выдерживать грозный напор зимних бурь.

Наконец, разобрали и решетки и все эти войлоки, части решеток, ковры, посуду, ящики навьючили на быков, верблюдов и лошадей.

Вот и тронулись в путь. Впереди на арбах, запряженных быками, ехали женщины и дети. За ними шли медлительной поступью важные верблюды. На горбах у верблюдов торчали всевозможные части переносных жилищ кочевников. За верблюдами двигались лошади и коровы. Весь караван замыкали стада овец и коз. Скрипели несмазанные колеса двуколок. Овцы блеяли, ревели верблюды, мычали коровы, ржали лошади, а впереди слышались звонкие голоса маленьких киргизят. Я ехал на своей верховой лошади вместе с Бектурганом, который зорко следил за тем, чтобы все было в порядке.

Вначале мне нравилось следить за движением пестрого, многоголосного каравана, а потом я от'ехал в сторону и невольно задумался над жизнью киргизов.

Для меня теперь было ясно, что в настоящее время у киргизов борются два уклада жизни. Прошрое — беззаботное и неверное существование, когда стада круглый год оставались на подножном корму, не требуя от своих хозяев никакой работы для доставления им пропитания,— не может продолжаться. Наступает пора оседания — сенокосов, пашен, рытья колодцев в безводных местах. Я застал моих новых друзей в тот переходный момент, когда они стали наполовину оседлыми, наполовину остаются кочевниками. Так и всюду непрерывно меняется жизнь и ничто не остается без изменений.

Я отстаю от каравана, слезаю с лошади и невольно люблюсь степью и небом.

Нигде в другом месте не бывает такого огромного и такого красивого неба, как в степи. Чем беспредельнее степь, тем огромнее голубой потолок кругло-сводчатой юрты, раскинувшейся над степью. Пол этой юрты устлан цветущими ароматными травами. «Лучший

в мире ковер — цветущая степь», поют киргизы.

Я слежу за причудливой игрой облаков: они то громоздятся белыми городами над степью, то проходят караванами тяжело навьюченных белых верблюдов.

Долог путь наш, безгранична степь, просторно глазу, легко дышать. Я догоняю караван и слышу, как под блеяние овец то один, то другой пастух попеременно поют. Хором киргизы петь не любят.

До меня долетают слова уже знакомой песни:

Но зачем унывать? Новое седло
в серебре.

Заседлаю им чалого иноходца
И, как белый крылатый лебедь,
Полечу я навстречу своему счастью.

День склоняется к закату, громко мычат стада, притихли ребятишки. Облака окрашиваются в золотисто-розовые тона. Степь меркнет.

Тогда Бектурган дает знак, и на берегу маленького озера останавливается караван на

Рис. 5. На летней кочевке.

ночлег. Ночь обещает быть ясной — редки в степи дожди. Прямо на траву расстилают войлоки. Горят костры. Животные разбегаются по степи под охраной злющих собак. Мы пьем кумыс, а старый Ахмет рассказывает нам сказку о справедливом Джигите.

«По пустынной степи мчался Джигит¹⁾. Видит — в сторонке догорающий костер, а на горячих углях шипит и вьется брошенная кем-то змея.

Увидала змея Джигита и просит его:

— Спаси меня.

Жаль стало Джигиту змею. Опустил он в догорающий костер конец своего длинного копья. Змея поползла по копью вверх, с копья на руку, с руки на плечо и, быстро обвив шею Джигита, стала душить его.

Опешил бедный Джигит от такого коварства и спрашивает:

— За что? Ведь я тебе жизнь спас.

— Все на земле так делают,— отвечает змея,— за добро злом платить нужно.

— Ты лжешь, змея,— вскричал, почти задыхаясь, Джигит. — Только ты за добро

¹⁾ Джигит — всадник, удалец.

злом платишь, на земле все правдой живут.

— Нет на земле правды,— снова говорит змея, еще теснее обвиваясь вокруг шеи Джигита.

— Подожди, змея, не души меня,— говорит Джигит.— Прежде давай спросим троих первых, что встретятся нам в степи: кто из нас прав — ты или я? Если все скажут по-твоему, можешь тогда задушить меня.

Змея согласилась.

Джигит со змеей на шее помчался на своем коне вдоль по степи. Скоро дорогу им преградил чистый, прозрачный как стекло, ручей.

— Ручей,— обратился к нему Джигит,— разреши наш спор.— И рассказал ручью весь свой разговор со змеею.

— Змея права,— сказал ручей,— нет на земле справедливости, и все стремятся платить злом за добро. Вот, например, и со мной так поступают. Кто только не пользуется моей прохладной чистой водой? Я пою и людей, и целые стада лошадей, и верблюдов. В жаркий летний день я утоляю их жажду. Без меня они бы все умерли. А чем они мне платят за мое добро? Тем, что они загрязняют

своими отбросами мои светлые, прозрачные воды...

— Вот видишь, моя правда, — зашипела змея и опять стала свиваться вокруг шеи Джигита.

Джигит тронул коня, и они помчались дальше.

Вскоре показался на их пути тенистый, одиноко стоящий тополь, и Джигит направил к нему своего коня.

— Тополь, — сказал он, — разреши, кто из нас прав.

И рассказал ему о своем споре со змеей.

— Змея права, — отвечал тополь. — Нет на земле справедливости, и все за добро злом платят. Вот, например, и со мной так поступают. В палящий зной я всем и каждому даю приют. Странники отдыхают в тени моих ветвей. А чем они платят за мое гостеприимство? Обрывают с меня листья, ломают мои ветки, разводя ими костры, сдирают с меня кору. Вырубили всех моих братьев, росших вместе со мной, а скоро срубят и меня.

— Вот, видишь, моя правда, — зашипела снова змея и еще сильнее сдавила горло бедному Джигиту.

Джигит ударил коня и помчался по степи дальше.

В это время вдали показался шакал.

— Шакал, — закричал, почти задыхаясь, бедный Джигит. — Рассуди, кто из нас прав.

И он рассказал шакалу все, что произошло. Выслушал его шакал и говорит:

— Для того, чтобы я мог правдиво рассудить вас, мне нужно видеть своими глазами, действительно ли все так произошло, как ты рассказываешь. Покажи, как было на деле с самого начала.

Джигит опустил копье и змея сползла по нему на песок. Увидя это, шакал закричал Джигиту:

— Чего же ты медлишь? Враг у твоих ног. Заколи змею или растопчи ее копытами своего коня.

— Нет, я не сделаю этого, — возразил Джигит и, обращаясь к змее, сказал:

— Живи и знай, что есть на земле правда, которою держится мир.

Сказал и, ударив коня, помчался по степи дальше...»

На утро мы снова двигаемся в путь, на ночь располагаемся для отдыха. И так четыре дня и четыре ночи двигаемся к северу, туда, где сочной трава, где свежей вода в озерах, где верней можно откормить свой скот.

Местность становится более гористой, а что может быть заманчивее гор в степи? От далеких утесов вас отделяет еще огромное степное пространство, но вас тянет поскорее домчаться до этих гор, теряющихся в дрожащем мареве нагретого солнцем воздуха.

На закате подошли к озеру. Дикие гуси и утки во множестве летают над прибрежными камышами. Овцы разбрелись по скату холма, радостно мычат коровы.

Женщины оживленно хлопчут, разгружая арбы и снимая вьюки. Раскатывают войлочные ковры и покрывки юрт, снимают решетчатые стенки. Решетчатый остов юрты (киргизы его называют — к е р е г е) состоит обыкновенно из пяти отдельных составных частей. Эти отдельные закругленные части составляют таким образом, что образуется круг составных частей. Между собой отдельные части связываются веревками. Когда круг решетчатых стенок бывает установлен, киргизки прилажи-

вают ш а н р а к (или ч е н г а р а к)—верхний круг, образующий крышу, с помощью поперечных длинных выгнутых палок и веревок.

Длинные палки, которые соединяют верхний круг — шанрак — с нижним более ши-

Рис. 4. Остов юрты.

роким кругом — к е р е г е, состоящим из решетчатых стенок, называются у к и. Обычно три женщины, воткнув уки в шанрак, поднимают его на определенную высоту, а четвертая проворно вставляет четвертый ук, чтобы этими палками, воткнутыми крест-накрест, укрепить шанрак на решетках. Для прочно-

сти уки привязывают к шанраку и к решеткам кереге. Остальные уки вставить уже нетрудно. На установку деревянного остова каждой юрты уходит не более получаса. В одну из решеток вставляется деревянная рама двери. Самая дверь состоит из куска подвешенного на раму войлока. Затем решетчатый остов юрты покрывают войлоками, крепко обкручивая юрту волосяными веревками. Когда юрта была установлена, киргизки стали разбирать посуду и всякую другую утварь и расставлять как следует в юртах.

Мужчины не принимали никакого участия в этих хлопотах. Сидя на разосланном женщинами войлоке, они важно беседовали о достоинствах новых пастбищ, издали любуясь разбредшимися по берегу озера стадами.

— Хорошо на д ж а й л я у, на летней кочевке,— говорит Ахмет.— А вот зимой трудно приходится и скоту, и людям в степи. Два месяца родится наша степь, шесть месяцев живет, на четыре месяца степь умирает. Снега покрывают тогда мертвую степь. Белые метели наполняют степь воем, [а сердца людей — страхом.

И Ахмет рассказывает мне, какое несчастье в позапрошлом году постигло его племянника Джарубая.

— Джарубай — настоящий киргиз. Не любит Джарубай жить в мазанке. И в зимнее время живет Джарубай в войлочной юрте. Не любит также Джарубай тесноты — поодаль от людей зимует он со своими стадами. И случилась большая метель. Понял Джарубай, что пропадет скот, разбредшийся по степи. А скот пропадет — все пропадет. Не побоялся Джарубай косматой метели. Велел Джарубай всем взрослым жене и сестре отправляться в степь на поиски овец и коров. В юрте остались одни маленькие дети. Принесли детишкам кизяку, чтобы поддерживали ребятишки огонь для тепла, а все взрослые ушли в степь.

Жутко выла метель, но в юрте было тепло, покуда ветром не сорвало один из войлоков. Тогда стало забивать юрту снегом. Сжались малыши в кучу, закрылись бараньими шкурами, весь кизяк пожгли. Да разве согреешь юрту, коли ветер со снегом ворвался в жилище.

Целый день проходили по степи Джарубай и его домашние, а как вернулись, нашли у очага застывших от холода малюток. Да и

скот погиб. Так и стал Джарубай нищим джатаком, пошел в работники к зажиточному Саваныру.

Трудно было представить себе эту жуткую картину зимней метели, ворвавшейся в юрту кочевника, в летний вечер в степи, над розовым озером.

Догорал закат. Доили коз, овец, коров и кобылиц. Пахло парным молоком и дымом кизяка.

Вся жизнь кочевника, как войлочная юрта в зимней степи. Тепло, уютно в ней, покуда не налетит беда.

А случится гололедица, погибнет отощавший скот, ворвется в жизнь кочевника нужда и прямая угроза голодной смерти.

Вспомнили киргизы Джарубая, судьбу его стада, его семьи и задумались.

Не пора ли изменить уклад жизни?

VI.

На соседнем озере готовился праздник. Сын Саваныра женится. Уже давно заплатил он большую часть калыма (выкуп за невесту) отцу певуны Айше. Теперь, говорят, выкуп

за невесту — калым — отменяют. Разве можно торговать людьми? А в прежнее время продавали дочерей своих за калым.

Джумарт, сын Саваныра, уже заплатил его, назад не возьмешь. Да разве жаль Джумарту отдать за веселую Айше двадцать пять лошадей и сотню баранов, что уплатил в разные сроки Саваныр отцу Айше? Малыми детьми еще были Айше и Джумарт, а уже родители поладили между собой. Дети, как молодые жеребята, вместе росли и резвились в степном приволье. Привыкли друг к другу.

И теперь вся жизнь пойдет по-новому: Джумарт обещает Айше, что не возьмет ни второй, ни третьей жены, как это разрешено законом киргизов. Киргизы — магометане. А магометанский закон допускает многоженство. Джумарт обещает Айше, что она будет его единственной женой. Обещает он также Айше, что станет помогать ей в домашних хлопотах. Хороший парень Джумарт, оттого еще веселей поет Айше; и хотя будет Айше плакать согласно обычаю, когда приведут ее в юрту жениха, но не от радости ли дрогнет ее голосок, когда в юрте Джумарта должна будет запеть она с плачем:

Скажите, где наша шаловливая игра,
где она?

Наша шаловливая игра жеребят,
где она?

Знает Айше, что с выходом замуж минует время шаловливой игры, но Джумарт обещает ей помогать во всем.

Я видел как-то Айше гарцующей на чалом иноходце, видел молодца-джигита Джумарта, и потому мне особенно приятно было ехать вместе со всеми на свадебный праздник.

Мы опоздали на обряд вступления Айше в юрту Джумарта. Мать Джумарта говорила ей ласковые слова, лила масло на очаг, и только женщины видели лицо Айше в свадебной высокой шапочке, в юрте Джумарта.

Когда мы под'ехали к улусу, то начиналась уже вторая часть праздника — борьба, скачки, пиршество.

Я увидел толпу киргизов — мужчин, женщин, детей. Все они плотным кольцом сгрудились вокруг двух борцов, которые должны были померяться силой.

Лошади, которые должны были принять участие в скачках, уже отправлены в заезд.

Скачки должны быть проведены на расстоянии в восемнадцать верст. В заезд было отправлено тридцать семь лошадей.

В ожидании, когда появятся скачущие лошади, выступали борцы. Двое из них скинули с себя халаты и рубахи и остались в одних штанах, до пояса голые. Меня занимало то обстоятельство, что борцы скалили зубы, сгибали пальцы наподобие когтей и делали страшные гримасы.

Довольно долго бродили они, то наступая друг на друга, то расходясь в разные стороны, и, наконец, сцепились. Самая же борьба длилась несколько мгновений. Оба упали на землю и один из борцов подмял под себя противника. Все закричали: «Акпай, Акпай!» Борцы вскочили с земли. Победителю Акпаю протянули при одобрительных криках присутствующих кусок красного кумача, а побежденного проводили улюлюканием.

Вышла вторая пара, за ней третья, четвертая. Потом решили устроить бег в мешке, но в это время маленький киргизенок крикнул: — Бегут, бегут!

Вся толпа разом забыла борцов, победителей и побежденных, и все были захвачены

ожиданием любимого своего зрелища. Киргиз не даром так любит лошадей. Куда денешься в степи без лошади? Хорошую лошадь киргиз ценит больше всего, оттого и победивший на скачках киргиз становится настоящим героем в округе.

Я вижу, как все глаза с напряжением уставились в одном направлении — в том, откуда должны показаться всадники. На состязающихся лошадях скачут маленькие мальчики лет восьми — девяти, а сами хозяева лошадей, сгорая от волнения, стоят в кругу сородичей. Я еще не вижу ничего, а вокруг меня уже раздаются возгласы:

— Пеганый, Пеганый впереди. Альджанов Пегашка.

— Гнедой нагоняет. Счастливец Санабай! Его конь крепче. Ишь, нажимает...

Наконец, и я вижу... облачко пыли. В ровной степи я вижу облачко пыли, быстро подвигающееся по направлению к бугру, у подножия которого назначен старт, т.-е. место, до которого должны доскакать лошади. Неподалеку стоит у столба вороная кобылица: она достанется счастливому победителю в качестве приза. Но теперь на нее никто не обращает

внимания. Возбужденные лица обращены туда, где глубится пыль. Кто-то первый до скачет?

Я отхожу несколько в сторону от киргизов, потому что их волнение возрастает до крайних пределов. Кричат, спорят, бранятся. И вот, наконец, скакуны приближаются. Теперь уже всем ясно, что Гнедой ведет скачку. Но и Чалый, скакун Сарымсана, не отстает.

Тогда все начинают дико вопить:

— Чалый, Чалый...

И словно слышит десятилетний сынишка Сарымсана эти крики, хлещет плетью Чалого, но гнедой скачет ровнее и первым подходит к старту.

Тогда все радостно кричат:

— Гнедой! Гнедой! Санабай!

Все бегут посмотреть на измученную, вконец загнанную лошадь. Она едва стоит на ногах. Проскакать восемнадцать верст — это не всякая лошадь выдержит. Альджана поздравляют. А маленький киргизенок Доспай, бледный и растерянный, продолжает размахивать плеткой. Ему в непосильном напряжении все еще чудится бешеная скачка

Санабай получает вороную кобылицу, Сарымсан — слиток серебра, а Альджан — кусок кумача. На остальных не обращают внимания.

Едва ли кто вспоминает о женихе и невесте. Главные герои дня — Гнедой, Пеганый и Чалый, а также их хозяева — Санабай, Сарымсан и Альджан.

VII.

Обладание хорошим скакуном в прежнее время позволяло киргизу чувствовать себя в степи неуловимым джигитом.

Где найти в степи управу на лихого обидчика? Сегодня здесь, а через несколько дней окажется совсем в иных местах, за сотни верст...

Существовал в степи такой закон: обиженному человеку разрешалось мстить своему обидчику путем грабежа его стад, разгромом юрт и даже похищением жен. Только убивать запрещалось нападающим. Обиженный подбивал своих родственников составить ватагу удальцов с тем, чтобы пограбить улус своего обидчика. Такой обычай назывался б а р а н т о й.

Когда ночью над степью встал круторогий месяц и ехали мы в улус Бектургана, госте-

Рис. 6. Приготавливают шерсть для войлока.

приимный хозяин мой рассказывал о старинных батырях.

— Прежде такой был закон в степи,— говорил мне Бектурган,— что укравший лошадь должен был заплатить за нее втрое. Если же вор отказывался от уплаты, а его род не понуждал его к справедливой уплате, то пострадавшему разрешалось бить обидчика и его родичей. Барантаци высматривали места, где паслись стада обидчиков, выбирали ночь потемней и, собираясь отрядом, с дикими криками нападали на улус. Трудно словами передать, что тут творилось. Нападавшие старались угнать скот, хозяева их преследовали, а другой отряд барантачей тем временем нападал на самый улус. Рассказывал мне Бектурган о том, как султан Эрали напал на улус джигита Араслана

Пировал Араслан с друзьями. Баран сменялся молодым жеребьячьим мясом, кумыс лился ручьями. Звенели домры и звонкие песни веселили гостей. Вдруг слышат топот. Ждали гости добрых вестей и стали гадать, чем порадует их гонец. Но гонец оказался пастухом. На взмыленной лошади летел он во весь опор и кричал: «баранта, баранта».

Вскочили тогда Араслан и его гости на лошадей и поскакали навстречу тем, кто грабил его стада. А султан Эрали тем временем похитил жену Араслана, Зюлиму.

Много вреда было киргизам от баранты. Хорошо делает власть, что искореняет это зло с корнем.

А когда возвратились мы с Бектурганом в его юрты, то застали там Нагумана Алтыбаева. Алтыбаев работал в Қзыл-Орде, столице Казакстана, и был двоюродным братом Бектургана.

Бектурган рад был своему родичу. Впрочем, в степи редкого гостя не встретят с радостью. И хотя Нагуман просил брата не тратиться на угощение, Бектурган велел заколоть барана. Собрались гости.

Видно было, что Нагуман пользуется всеобщим уважением.

Бектурган говорил о нем:

— К большому делу Нагуман приставлен. Всем Казакстаном сами киргизы наши теперь управляют. Вот и Нагуман тоже управляет. Большое дело — Казакстаном управлять.

— Верно, верно, — соглашаюсь я с Бектурганом и стараюсь представить себе эту огром-

ную территорию в три миллиона квадратных километров. На территории Казакстана могли бы уместиться шесть Франций или шесть Германий. Немногим уступит по величине своей Казакстан всей Европейской части СССР (не более чем на четверть).

Но на огромной его территории живет лишь семь миллионов человек, т.-е. в шесть раз меньше, чем в одной Франции. Все население огромного Казакстана можно поместить в три города, равных Москве.

И от этой редкой населенности еще труднее становится задача управления.

Жестоко пострадала степь от гражданской войны. Засуха погубила посевы. Джут (гололедица) истребила скот. В 1921—22 году Казакстан пережил голод. И только года три тому назад стало восстанавливаться хозяйство киргизов.

К вечеру набралось в юрту множество гостей, и Нагуман обстоятельно знакомит своих умных, наблюдательных, острых на язык сородичей с тем, как идет работа по устройению новой жизни в Казакстане. С гордостью посматривают киргизы на Нагумана. Забыли они, что Нагуман лишился когда-то во время голо-

ледицы стад своих, обеднел, стал джатаком (бедняком).

— Надо запашки делать, — говорит Нагуман. — Надо больше разводить рогатого скота. Надо сена заготовить побольше.

Видит Нагуман, что не совсем нравятся старикам его слова, и тогда он старается им разъяснить:

— Когда много народа расплодилось в степи, нельзя людям кочевое хозяйство вести. Нам с нашими стадами, да с нашими привычками, да с нашей леностью чересчур много земли надо. Оттого нам кажется тесно. На тесноту мы жалуемся, а человека с трудом в степи сыщешь. Затеривается человек в огромной степи нашей. От одного простора толку мало. Надо свой труд к земле прилагать.

И дальше ведет свою речь Нагуман, хоть и знает, что не всем эта речь по вкусу придется.

— Через степь нашу надо дороги провести...

Тут Ахмет не выдерживает и восклицает:

— Шайтан-арба? Чортову телегу?

— Да, да, — говорит Нагуман. — Надо пустить по степи огненную телегу — поезд. Поезд в степь привезет вам товары — ситец,

чай и плуги. Где сейчас вам достать плуг или борону? За сотни верст за ними скакать надо на станцию или в город. А сколько времени пройдет у тебя, Ахмет, чтобы отвезти на ярмарку арбу овечьей шерсти? Поверь мне, друг Ахмет,— ласково говорит Нагуман,— от железной дороги будет всем нам великая польза.

Много в нашей киргизской степи цветов весной, птиц осенью, много овечьих стад, много добрых скакунов, да немало и других богатств в нашей земле,— говорит Нагуман.— Будет время, и ты, Ахмет, станешь петь, что богата степь наша не только тучными пастбищами, но богата она свинцом и серебром, богата углем каменным да нефтью.

Но зря пока в земле лежат эти богатства. Не умеем мы взять эти спящие сокровища. Но придет время, и снова разбогатеет мы, киргизы. Наша степь даст нам новые силы, новые дары.

— Золото, серебро, свинец, уголь и нефть — это такие богатства, что забудем мы о давних временах, когда были у нас огромные стада. А плуг да машины для уборки хлеба дадут нам возможность взять от земли нашей горы золотой пшеницы. Вот о чем скоро станет

петь наш Ахмет,— закончил свою речь Нагуман.

Много мы жаловались и пеняли на русских, что теснят они нас. И правда, местами обидно было смотреть, как лучшие пастбища наши отбирали у нас. Но теперь настали другие времена. В нашем главном городе, в нашей столице Кзыл-Орда, сами киргизы получили возможность строить свою жизнь по-хорошему. Революция дала нам эту возможность.

И прежде было у нас много умных людей. Многое понимали они, как надо устроить жизнь, да далеко было до власти сделать что-нибудь на пользу народа.

Многие из мудрецов наших знали, как избавиться народу от разорения и напастей, да не доходили слова до ушей, а руки до дела. Только новый порядок приблизил нас к тому, чтобы осуществить на деле добрые намерения.

Помолчал Нагуман и потом обратился с улыбкой к Ахмету:

— Ну, что скажешь, старик? Давно я не слышал твоих песен, твоих сказок.

И рассказал тогда Ахмет старую, старую сказку о трех братьях.

— Жил богатый киргиз, и было у него три сына. Когда отец состарился, и пришло время ему умирать, он призвал сыновей и сказал им:

— Любезные дети. Вот я умираю и все мое богатство завещаю вам троим поровну. Каждый из вас на доставшуюся ему часть наследства может купить то, что он найдет для себя самым лучшим.

Старик умер. А сыновья его, поделив между собою отцово наследство, разбрелись в разные стороны для того, чтобы каждому из них купить себе то, что он найдет лучше.

Старший брат купил себе волшебное зеркальце, такое чудесное, что в нем можно было видеть все, что делается на белом свете.

Средний брат приобрел у какого-то волшебника склянку с жидкостью, которая могла не только излечивать больных от всяких болезней, но и оживлять умерших.

А младший — он был хороший наездник — купил себе верблюда Джельмая, который мог мчаться по земле с быстротой пули.

После этого братья опять сошлись все вместе, как это было обусловлено между ними раньше, и стали друг другу рассказывать о своих покупках.

Когда они все трое разглядывали волшебное зеркальце, то увидели в нем, что во дворце у хана, живущего за тридевять земель, умирает любимая его дочь-красавица.

Тотчас же они все трое сели на верблюда Джелмая и с быстротою пули домчались до того города, где жил хан. Явились они во дворец, где лежала при смерти ханская дочь, и дали ей волшебного лекарства. Красавица сразу выздоровела и побежала к своему отцу.

Хан очень обрадовался и говорит братьям: — Кто из вас вылечил мою дочь, за того отдам ее замуж.

Братья стали между собой спорить, кому из них должна достаться в жены ханская дочь.

Первый брат говорит:

— Если бы не было моего зеркальца, мы не узнали бы, что красавица больна. Тогда не пришлось бы нам и вылечить ее. Поэтому красавица должна быть моей женой.

Второй брат на это возразил:

— Правда, зеркальце показало нам, что красавица больна. Но ведь не оно исцелило ее, а мое волшебное питье. Поэтому красавица должна выйти за меня.

— Нет, красавица должна быть моей женой,— сказал третий брат.— Ведь если бы не было моего верблюда, мы не приехали бы сюда во-время.

Услышал их спор хан и сказал:

— Кто из вас прав, это может рассудить только мудрейший старец Шуюше, что проживает в здешнем городе.

И хан велел позвать во дворец мудрого старца. Мудрец явился по ханскому зову и, выслушав спор, возникший между братьями, сказал:

— Старший из вас неправ. Хоть зеркало и показало вам, что красавица при смерти, но не в нем сила. Ведь солнце и месяц видны всем на земле, но никто не может взять их руками.

— И ты тоже неправ,— обратился мудрец к среднему брату:— хоть твое лекарство действительно может исцелять больных и воскрешать мертвых, но ведь оно не действует на расстоянии, и, находясь в другом городе, вы не могли бы возвратить к жизни красавицу. Ведь так?

— Вся сила в верблюде Джельмае,— закончил мудрец.— Не будь верблюда, вы не домчались бы так быстро в столицу. Поэтому хозяин

верблюда по праву может стать мужем красавицы.

А верблюда Джельмая, который сделал его счастливым, младший брат всю свою жизнь берег и холил.

МУЗЕЙ ВЫСТАВКА
по
Народному Просвещению.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА